

ОТЕЦ

Эссе

А еще мама рассказывала мне, причем не один раз, как я стал Валерой. Батя пошел в загс зарегистрировать мое появление на свет, выписать метрики. «Как решили назвать сына?» – спрашивает работница загса. «Валиком», – отвечает батя. «Сейчас в моде имя Валерий. Многих мальчиков записывают этим именем», – говорит служащая дама. Батя в ответ: «Мне сказали Валиком записать». «Знаете, Валик, Валера, это то же самое». «Ну, если то же самое, записывайте Валерой».

Так в мире одним Валерой стало больше. Мама не однажды говорила, что моя бабушка Варвара, ее мать, долго не могла даже выговорить мое имя...

Жизнь человеческая сколь сложна, столь и проста. Мы сами себе усложняем ее, а то и гробим. Бездумно, бездарно и глупо. А она, жизнь человеческая, коротка и мимолетна – была и нет. И не повторима. Как бы того ни хотелось!..

Самое странное, мы с отцом никогда не поговорили, что называется, по душам. Я рано стал загуливать, водиться со шпаной. Еще учась в школе, едва маленько повзрослев, не раз приходил домой с «фонарями», с запашком дешевого вина. Кому такое понравится? Но что удивительно, батя меня уже не отчитывал. Только горько качал головой: мол, пропащий ты хлопек...

Я и близко не предполагал, что в молодости батя и сам был не в ладах с законом. Еще до прихода советской власти в Западную Беларусь, когда его за опоздание на работу укатали в каталажку. Лет пятнадцать тому пинский краевед и диктатор преподаватель Полесского

ботая в Брестском областном архиве, наткнулся на протокол польского «судебного исполнителя Петемковского Антона, сына Николая, 41 года, католика, сборщика налогов». Приводить протокол целиком не буду, но некоторые фрагменты изложу. Протокол составлен порусски, но с большим количеством ошибок, как грамматических и пунктуационных, так и стилистических. Тем не менее это документ эпохи, так что...

«16 мая 1939 года в 14 часов будучи в Завидчицах, гм. (гмина) Хойно, направился вместе с солтысом** этого села Якимчуком Григорием к Федору Гришковцу, где забрали гармонь за неплату штрафа, наложенного на него пинским староством. После выхода на улицу подбежал к нам Гришковец Федор с требованием отдать ему гармонь. А когда я сказал, что если не заплатит штраф в 3 злотых, то гармонь не отдам. Тогда Гришковец силой стал вырывать гармонь у солтыса. Во время вырывания гармони Гришковец ударил меня в грудь, а солтысу вывихнул палец и гармонь разорвал на 3 части, причем 2 части забрал с собой, а 3-ю отдал добровольно, так как не представляла собой ценности. Ввиду сильного сопро-*

ским в его дом. Гришковец повторно отказался платить штраф. Ввиду этого с помощью полицейской силы я забрал у него 3 злотых...»

К протоколу приложены объяснительная сборщика налогов, солтыса и отца. Из его объяснительной следует, что он нарушал общественный порядок еще ранее – летом 1935 года. Решением Пинского городского суда в отношении бати применен полицейский надзор. Из решения суда я узнал, что «Федор Гришковец имеет в селе не очень хорошую репутацию, так как характер порывистый и склонный на авантюру. Также подозревался в нелегальном хранении (жаль, не указано чего. – Прим. В. Гр.). У него проводили обыски, но ничего не нашли. 9 сентября 1939 года в Пинске состоялось заседание городского суда. Наказание Гришковца не превышает срока в 1 год и подпадает под декрет президента Польши об амнистии. Федор Гришковец, род. 1913 г. родители Феодосий и Пелагея, фамилия матери Меша, место рождения с. Завидчицы, гм. Хойно, гражданство польское, национальность полешук, образование 3 класса начальной школы, холост...».

Опасибо Александру Ильину –

вовсю глушить «забугорные голоса», он слушал передачи «Радио Свобода», «Би-Би-Си» и «Голоса Америки» по-польски. А в 1970-м, как сейчас помню, в конце лета, батя из Сибири, где был на заработках, прислал матери письмо. Конверт подписал кто-то другой, а вот письмо было написано рукой бати. Оно долго лежало на столе в большой комнате. Я несколько раз перечитывал его. Мне не столько интересно было содержание письма, я уже знал его наизусть, сколько забавно было читать буквами латинского алфавита давно мне знакомые, самые обычные слова местного полесского диалекта. Правда, в письме отца проскакивали и польские, и русские слова, но все они были написаны латинским шрифтом. Не совсем, конечно, грамотно, тем не менее...

Годам к четырнадцати я окончательно заболел написанием стихов, всё меньше уделял времени учебе и всё больше, как говорил батя, просиживал штаны за дурницей, так он называл не только мои стихотворные мытарства. Батя изначально не одобрял мои поэтические потуги. Мало того, он буквально требовал, чтобы я «бросил эту дурницу!». Ну а когда стало ясно,

дание на работу укатали в каталажку. Лет пятнадцать тому пинский краевед и литератор, преподаватель Полесского госуниверситета Александр Ильин, ра-

добровольно, так как не представлял собой ценности. Ввиду сильного сопротивления позвал на помощь полицию и на следующий день вошли с полицей-

класса начальная школы, холост...».

Спасибо Александру Ильину — не поленился, сделал ксерокопию протокола сборщика налогов Петемковского, объяснительных записок солтыса деревни Завидчицы и отца. А также выписки из решения Пинского суда, привез и передал мне. С Ильиным мы не были друзьями, но нас связывала любовь к Полесью, к Пинску, к литературе. По мере возможности мы общались, обменивались новостями, книгами. Я посоветовал ему исследовать пинский период в творчестве Евгении Янищиц, подсказал имена людей, кто ему поможет в этой работе, что он и сделал. До этого никто никогда не исследовал начальный период творческого пути поэтессы Янищиц, как будто она на свет Божий и литературный сразу появилась на филфаке БГУ...

Жаль, очень жаль: исследователя Полесья, его истории и культуры Александра Ильина уже нет с нами пять лет. Он стал одной из первых жертв ковида на Пинщине. Это эссе я посвящаю памяти своих родителей — Федора Феодосьевича и Марии Борисовны и, конечно же, памяти Александра Ильина. Благодаря ему и состоялось это эссе, а еще я много чего узнал о своем отце. Признаться, забыл, как звали его мать, мою бабушку. Она умерла еще в 1928 году от какой-то эпидемии. Оказывается, Пелагея. Теперь буду знать и обязательно указывать в поминальной записке.

Из выписки польского городского суда Пинска я узнал и о том, что образование у отца — три класса польской начальной школы. А мне почему-то помнилось, как батя говорил, что он окончил всего один класс. В любом случае, отец умел говорить по-польски, кое-как и читал. Когда во второй половине 1960-х годов стали

мой поэтические потуги: мало того, он буквально требовал, чтобы я «бросил эту дурницу!». Ну а когда стало ясно, что это — написание стихов — со мной навсегда, батя как-то сказал мне довольно по-дружески, вроде как попросил: «Нэ пишы тылько про Ленина и партию». А я писал. И писал немало всего-всякого. Вскоре после армии позвали на работу в газету, а жить в обществе и не быть зависимым от общества, говорил товарищ Ленин, невозможно...

Ну, а стихи я посвящал... самому себе! О чем бы и о ком бы я ни писал, я всегда, как теперь окончательно понял, писал и пишу о себе.

В заключение, думаю, будет уместным привести свою запись из дневника от 20 апреля 1997 года.

«С годами всё чаще вспоминаю отца Федора Феодосьевича. Был он человеком добрым, мудрым. И трудяга был такой, каких теперь не особо и сыщешь. И всё у нас было миром и ладом, пока я не начал «гастроли». Приду, бывало, домой с кем-нибудь из таких же «гастролеров», а он мне: «Эх, сынок, сынок, лучше с умным потерять, чем с дураком найти». А то в очередной раз собираюсь сваливать из дому в «края далекие», он, недолго думая: «Сынок, сынок, куда вороне ни лететь, везде говно клевать»...

Я потом, после его тяжелой болезни и смерти, не раз заглядывал в книги словиц и поговорок, как русских, так и белорусских, но ничего подобного не встречал.

Разумеется, батя мой не был «святым». Любил и выпить, и напивался порой до сильного «шатуна», но никогда не запивал, не скандалил по пьянке, и уж тем более не пил в долг...

У меня много друзей. Есть и было. Были и есть подруги, спутницы, так сказать, жизни. Много и знакомых стариков,

На крыльце

Валерий Гришковец (в верхнем ряду справа) с родителями Федором Феодосьевичем и Марией Борисовной, братом Федором и сестрой Марией. Февраль 1969 года.

людей пожилых. Но никто и никогда не заменит мне отца – в совете, в жизненной поддержке. А слушать его как раз я-то и не слушал. Слышать – слышал, но, увы... А жаль. Повторяю, был он, отец мой, человеком поистине мудрым, глупоким, хотя и окончил всего один класс польской школы.

Сколько помню, садясь к столу и вставая из-за него, он молился и всегда проносил одну и ту же молитву – «Отче наш...». То же самое и отходя ко сну, и вставая с постели. А вот в церковь не ходил. Совсем. По крайней мере, я не припомню такого. Из-за этого у них с матерью частенько происходили перепалки. Так же поступал и отец его, мой дед Феодосий Максимович.

Мир праху твоему, батя!..»

Лет около двадцати назад я написал стихи, посвященные отцу. Одобрил бы он их? Скорее всего, нет. Батя был человеком не тщеславным, никогда не делал что-либо напоказ. Хотя мастерил много всего такого, что мог бы и похвалиться. А в делах хозяйских с него можно было брать пример. Уж если что-то он делал, то делал хорошо, качественно, красиво, в работе всегда был очень аккуратен. Помню, как соседские мужики посмеивались с бати:

2

*Вопрос, как ладонь, твердо ставил ребром.
И правду, что маткой зовут,
от порога
Рубил без оглядки, без крика-упрека.
Я помню походку, и жесты, и голос...
А если склонялся, то как в поле колос.
Эх, как же, бывало, кидался я в раж:
Ремнем ты вбивал в плоть мою
«Отче наш».
За это, мой батя, родимый мой отче,
Обязан всей жизнью тебе,
между прочим.
Я вором не стал и не стал
я бандитом,
С того, что слова эти намертво
вбиты!
Да, жил непутево, любил непутево.
Да, часто не дело вело меня – слово.
Но в нем с малолетства быть
честным старался,
Хотя, незадача, молитвы чурался.
И всё ж, только скрутит и делу
шабаш,
Хочу не хочу, а твержу «Отче наш...»*

Не припомню, читал ли я когда-нибудь стихи родителям? По-моему, не читал. Ни разу. Хотя уже в первых своих стихах я не однажды упоминал слово «мама». И, когда выводил это слово, я думал,

был очень аккуратен. Помню, как соседские мужики посмеивались с бати: вот, мол, Федя даже дрова по мерке режет. А батя действительно для каждой печки-грубки, а также для кухонной плиты заготавливал дрова точно по мерке, им же и снятой. И кострища в нашем дворе всегда были ровные, сразу можно было узнать, где и для какой печки брать дрова, а где дрова для кухонной плиты...

1

*Что же было в отце моем русского?
В Войске польском когда-то служил.
И дорогой, горбатой да узкою,
Словно конь, батя рвался из жил.*

*Невысокий, а выправка, выправка!
На подбор, выжил кто, мужики!
Говорил с диалектом, а выпьет как:
– Что ж мы, русские, все – дураки?..*

*Эх, веселые вы да двужильные,
Что ж вы нажили-то, чудачки?
Нынче делят гербы фамильные,
Достают из могил стяги...*

*Что ж мне выпало отчего, кровного?
Знаю, батя, пуста твоя клеть, –
Взбунтовалась душа непутевая,
Возжелала по-русски запеть...*

я не однажды упоминал слово «мама». И, когда выводил это слово, я думал, конечно же, о маме, своей маме. Было что-то и про отца, и про дедов и бабушек, про дядёв. Но, увы, никому из них никогда я своих стихов не читал. Да и не показывал.

Но, набирая эти стихи, мне почему-то казалось, что я читаю их бате, он сидит возле грубки, подкладывает в огонь дрова, а я читаю ему стихи – как признание, пусть и запоздалое, в любви, как свидетельство непреходящей сыновней благодарности.

“

Жизнь человеческая сколь сложна, столь и проста. Мы сами себе усложняем ее, а то и гробим. Бездумно, бездарно и глупо. А она, жизнь человеческая, коротка и мимолетна – была и нет. И неповторима. Как бы того ни хотелось!

Валерий ГРИШКОВЕЦ,
г. Пинск

Фото из семейного архива автора

*Гмина – наименьшая административная единица (польск.).

**Солтыс – староста (польск.).